

СТРАНА

Резные ставенки, крылечки,
Густые заросли травы,
И всюду печки, печки, печки –
В ста километрах от Москвы.

У изб – размашистые ели,
Беседки, лавки... Но, увы,
Пустуют детские качели
В ста километрах от Москвы.

А что сказать, когда за тыщу,
А как стерпеть, когда за две –
В остывших трубах ветер свищет,
Накувыркавшись по траве?

В горах теряются закаты,
В озёрах – отблески зари.
И в рыхлый мох врастают хаты
В трёх километрах от Твери.

* * *

– Как мы живём? Живём неплохо.
Оно, конечно... как сказать.
Но в целом ежели, Антоха,
Жить можно, можно. Правда, мать?

Вот дали к пенсии прибавку,
Рублей сто семьдесят, поди...
Министра – слыхивал? – в отставку!
Жизнь лучше станет, погоди.

Нам хлеб возили раз в неделю,
Теперь, пожалелись, так – два!
При церкви сделали купелю,
А то ведь старая – в дрова!

С «собеса», ента... Валька ходит.
Мы с ней, как водится, – чайку!
Как шефство к нам у ей, навроде,
А мне приятно, старику.

Да! Фельдшерицу отыскали!
А то уж год как никого.
Ей при медпункте угол дали –
С району ездить далеко.

Жить можно, можно...
Мы со старой
Уж отложили, почитай, –
Когда ребятам на подарок,
Когда себе на самый край.

Вот только знаешь что, Антоха,
Уж больно жалко молодёжь.
Работы нету, вот что плохо,
Отсюда – пьют, ядрёна вошь...

Замолк старик – припомнил были,
Хоть и придумать был мастак!
– А знаешь что, и мы ведь пили,
Да как-то, кажется, не так.

* * *

– Утро вечера мудренее,
Так что, паря, давай-ка спать! –
И, похлопав меня по шее,
Митрич смерил собой кровать.

А минут через пять, не боле,
Храп наполнил просторный дом.
Эх, была б лесникова воля,
Спали б люди медвежьим сном,

Пили б люди отвар малины,
Ели б ягоды да грибы
И не жалились без причины
На бессовестный нрав судьбы,

А наутро, схватив ружьишко,
Сунув в лыжи носки сапог,
Вёрст пятнадцать, а то и с лишком,
Накрутили б, не чуя ног!

...Ну и ладно, а мне не спится!
Ночь сегодня как будто день –
Снег под месяцем серебрится,
Облепив косолапый пень.

Так и метит двурогий вытечь
Липким светом под сень ветвей...
Прав, однако, храпящий Митрич –
Утро вечера мудреней!

* * *

Не рыбацким было утро,
На воде лежал туман,
В сизых складках перламутра
Зябко ёжился бурьян.

Митрич шамкал: не по делу
В рань такую поднялись...
И прогнав озноб по телу,
Долго сетовал на «жисть».

– Нет, не будет клёва ноне,
Зря разматываешь снасть.
... Через час в моей ладони
Бился кряжистый карась!

– Ты гляди, споймал, однако!
Взял на хлеб, аль на червя?
А увесистый, собака...
Ладно, брат, взяла твоя!

И ободренный почином,
Митрич скрылся в камыше...
Больше не было причины
Старика ругать в душе.

В СТАРОМ ТРАМВАЕ

Старые москвички в стареньком трамвае

О своём, о бабьем, тянут разговор:

– Дочь вчера звонила...

– Ишь, не забывает. Где она?

– В Тюмени.

– Что ты! До сих пор?!

– Да, уже лет десять. Говорит, неплохо.

Вкалывает, правда, до ночи с утра.

– А мои – в Самаре. Тоже – слава Богу.

Не Тюмень, конечно, но и не дыра...

Помолчали. Тряско в стареньком трамвае.

Взвизгнула сирена где-то в стороне.

– Ты скажи мне, Соня, я не понимаю,

Что там обещает Прохоров стране?

– Сашенька, ну что он может дать народу?

Всё, что сохранили, разметелит в прах.

Посмотри на эту новую породу –

Где ты видишь совесть? Он же олигарх...

– Да, совсем забыла: заходила Мила,

Говорит, что будто Зойка померла.

Ну, ты помнишь, та, что в «котике» ходила,

А потом напротив Зотовых жила...

Замолчали снова. Может, из-за Зойки,

Может, потому что просто вышел пар.

Двадцать третий номер шёл по рельсам бойко,

Хоть и был, пожалуй, как москвички, стар.

* * *

В Москве не пишется.

Не знаю, почему!

Столичный дух не кажется пьянящим.

Я вижу здесь убогую страну,

Живущую убогим настоящим.

Век Золотой осел на куполах,

Серебряный – растаскан по музеям;

Век нынешний – от двух минувших прах,

Покрытый политическим елеем.

На улицах великих москвичей –

Чужая речь, неузнанные лица.

Не пишется в Москве.

Ну, хоть убей!

Не пишется, любимая столица!

Я лучше – в глушь, где воздух по утрам
Так густ и прян, что с рук напиток можно.
И дышится, и пишется мне там.
В Москве – не то.
Неискренно.
Тревожно.

ПРОВОДНИЦА

Текут красивые ресницы –
Устали гнать тяжёлый сон.
И мой пиджак на проводнице –
Попытка выдержать фасон.

Стол сервирован по-простому:
Коньяк, конфеты, банка шпрот.
Я мчусь домой, она – из дому,
А может быть, наоборот.

Её бодрят мои рассказы
Про океан, про севера...
А я ведь не был там ни разу,
Я только выехал вчера.

Её открытые коленки
Смешно торчат из-под стола,
Звенят казённые тарелки
Из второсортного стекла.

Такого важного застолья
Давно не знал дорожный мир.
Я для неё не просто Толя,
Я – первый левый пассажир!

* * *

Пахнет сосновой стружкой,
Ржавчиной и смолой,
Выскобленной кормушкой,
Высушенной ботвой.

Пахнет борщом и мясом,
Тестом для пирогов,
Пахнет отцовским квасом,
Пряностями стогов.

Крашеной пахнет рамой –
Так, что под носом зуд;
Пахнет отцом и мамой,
Родиной пахнет тут!
Завтра уеду в город,
И растворится в нём
Запах, который дорог,
Запах с названьем Дом.

НА РЫБАЛКЕ

Туман над тихою водой,
А в камышах – как будто всплески.
Сопит сынишка за спиной,
Впотьмах распутывая лески.

Над ним ещё воркует сон,
И он позёвываает сладко...
– А есть такая рыба-слон?
А рыба-клоун? А зубатка?

Молчим минуту, может, две...
Вода под нами розовеет.
Коряги ивовой правей
Мой поплавок дрожит, как веер.

– А червяку не больно, пап,
Когда его крючком – по пузу?
– А что всех больше любит карп?
Перловку или кукурузу?

– А что...? А если...? А когда...?
Болтает – пусть себе, не жалко.
И чёрт с ней, с рыбой. Ерунда!
Ведь это сынова рыбалка!

ОТЦУ

... И вспоминаю я себя мальцом.
Мне мир казался сплошь многоэтажным.
И в мире том гордился я отцом –
Таким же, как и мир, большим и важным!

Он широко шагал по мостовой,
Я семенил короткими шажками.
Как хорошо, когда идёт с тобой
Отец, стуча большими сапогами.

Я не боялся в жизни ничего,
Пока был мал, а он большим и важным!
И я как будто рос в тени его –
Спокойно и легко, пока однажды

Я не покинул отчего гнезда,
Жизнь не узнал без грима и с изнанки...
Года бежали, словно поезда,
Сменяя города и полустанки.

Да, мне уж самому за сорок пять,
И сыновья мои взрослеют следом...
Пора и им, пожалуй, рассказать,
Как стать таким большим и важным дедом!

* * *

Не о том печалимся, мужики!
Тянет вольным воздухом от реки,
Над костром качается котелок,
Тлеет, разгорается уголёк...
Снасти позаброшены, не до них –
Разливаем «горькую» на троих,
После «первой» втянемся в разговор –
Пусть кому-то кажется: экий вздор...
Только нет осмысленней и важней
Разговора честного меж друзей.
Двадцать три пропущенных: все – жена.
А беседа тянется до темна...
По мосточку ветхому через ров
Гонит бабка с руганью двух коров.
Провожаем взглядом их и молчим.
Хорошо, что выбрались – посидим.
Сколько ж мы не виделись? Года три?
А на небе россыпью – янтари!
А под этой россыпью – рыбаки...
Хорошо, что встретились, мужики!

ДОРОГА

Мы смотрим с тобой на степи,
На голую плоть земли.
Колышется точкой стрепет
В колышущейся дали.
Колышется пол вагона
И выдувший чай сосед.
Буфетчица, как Мадонна,

Плывёт за тележкой вслед.
В Черниговке будут раки,
Вареники – в Пологах,
За Юрьевкой вспыхнут маки
На тонких своих ногах.
И было бы всё так просто –
Буфетчица, раки, зной...
Так нет же, нам мало роста
В обыденности такой!
Мы будем с тобой копаться
В природе простых вещей,
А я бы не прочь остаться
Профессором кислых щей.